

СЛОВО, ИДУЩЕЕ ОТ СЕРДЦА

Валентин ПУСТОВИТ.

ИСПОВЕДЬ

Была пора осеннего расцвета —
Приюта исстрадавшейся души,
Когда слетают листья тихо светок,
Когда идти не думают дожди.
Не захватив с собою лишних мыслей,
Не предрешал судьбу обычных дел.
Я наблюдал за опаданьем листьев,
Средь шорохов и шелеста сидел.
Теплом нестойким

все не мог нанежиться —
Теплом, что уходило медленно
под кров,
Смешавшись с неотчетливою
свежестью

Еще не наступивших холодов.
И вдруг я понял осенний исток,
Особенно по солнечным утрам,
В России осень означает исповедь
Полей, лесов, кустарников и трав.
Туман с вершины сопки поднимался,
Как парус над желтеющей водой.
Природе я в ответ исповедался,
Под листопад подставивши ладонь.
И разводил в ладони буйство красок.
Являло небо синее мольберт.
На свете естество одно прекрасно,
Оно одно спасение от бед.
Пока благоприятствует погода,
Вы б тоже в сопки собрались.
Тогда б на вас, гуляющих по городу,
Они бы не смотрели сверху вниз.

ЗАВИСТЬ

Как в детстве я завидовал коту!
Когда полы надраивал в поту
Или же мыл тарелки, чашки —
Меня, как помню, заставляли часто.
А он, в духовке сладко развываясь,
Взирал лениво, словно князь,
На преданного, честного слугу,
Который вечно у него в долгу.
Когда же кончал работу я потом
И в руки брал толстенный том,
Он покидал заветную лежанку:
Ему, должно быть, становилось жарко.
Ласкался, весело мяукал,
К своей тарелке направляясь в угол.
Его не гнал я прочь, а гладил.
Я с ним, как с другом

или братом ладил.
...Великим оптимистом был мой кот:
Он не имел тогда других забот.
Но вот однажды кот пропал
(Я сразу на неделю духом пал),
А появился весь изодран и искусан,
Шел тяжело, как будто шел

под грузом:
Хвост походил на сломанную шпагу.
Наверно, он не отступил ни шагу
В бою за маленькую кошку —
Премилую и ласковую крошку.
Что раз прильнула к нашему окошку.
Кот не дотронулся, бедняга, до еды,
Молчал, как будто в рот набрал воды.
Я не заснул, расстроенный, в ту ночь.
Как можно тут хоть чем-нибудь

помочь?!
И я хранил постыдно немоту.
И больше не завидовал коту.
Он месяц сильно (или два) болел —
Лежал все время и почти не ел.
Печален был, и был он вял,
Когда весной болезненно линял.
Его духовка превратилась в скит,
Где каждый по общению грустит.
Я находил в глазах кота порой —
Не по летам — усталость и покой.
Так мудрость зарождалась у кота,
Кто никому не приносил вреда,
Добычей не считал свою любовь,
И не полюбит, вероятно, вновь...

Сегодня у нас в гостях поэт, член областного литературного объединения «Полуостров» Валентин Пустовит, которого любители поэзии хорошо знают по публикациям в камчатской прессе, по литературно-художественным сборникам «Камчатка».

Валентин не впервые в нашем районе. Всякий раз, приезжая к нам, поэт интересуется, что нового написано мильковчанами, увлеченными поэзией, есть ли у кого хорошие стихи. Разговор этот часто переходит в беседу о литературе, о творчестве поэтов «со стажем» и начинающих.

Одну из таких бесед и записал на днях наш корреспондент Александр Корчуганов.

ПУСТОВИТ: Давайте прежде всего уговоримся: все, что я буду говорить — это мое субъективное мнение, не более. Ведь в поэзии, равно как и в другом роде искусства, особенно если ты сам причастен к творчеству, все суждения идут от личного кredo, сугубо индивидуальных привязанностей, своей и близких тебе манер письма. Но я постараюсь быть объективным.

КОРР.: Итак, пишете вы уже много лет и не первый год печтаетесь. Как вы относитесь к собственному творчеству, его уровню?

ПУСТОВИТ: По-разному. Написано, действительно, много, но вот когда пришлось недавно отбирать стихи для сравнительно небольшой книжки, которую собирается выпустить Камчатское отделение Дальиздата... В общем задача была не из легких. Хотелось, чтобы каждое стихотворение что-то дало людям, а не так — прочитали и тут же забыли. И такой момент — предельная точность в слове, ничего случайного. Я понимаю, что это — идеал, но стремиться к нему, думаю, должен каждый, пишущий серьезно. Кстати, в Мильковском районе наиболее требователен к себе, по-моему, Юрий Дружнин, выпустивший поэтический сборник «Молниевики» и часто выступающий в вашей газете. Он, в известном смысле, — профессионал. И удача ему сопутствовала с самого начала.

КОРР.: Как и вам, вероятно?

ПУСТОВИТ: Нет, у меня было все по-другому. Первые мои опыты забраковали, посоветовали не переводить бумагу, причем, довольно сведущие в литературе товарищи. Я не послушался. И все-таки потом был им благодарен: похвалили они, ради поддержки, меня, и могло сложиться ложное представление о поэзии, а менять его, ой как трудно, особенно в зрелые лета.

КОРР.: Что вы можете сказать о стихах, опубликованных в нашей газете?

ПУСТОВИТ: Я листал подшивку «Знамени труда». В районе широк поэтический актив, пишут многие. Встречаются интересные стихи, удачны отдельные строки и строфы. Вот Виктор Штыров. Его «Я помню...» в номере за 9 мая сего года при некоторых чисто «технических» погрешностях — жизненно, достоверно, гражданственно и взволнованно. Или взять «Камчатский сентябрь» Василия Сорокина. Картина осени. Свой, не ординарный взгляд на

камчатскую природу. Такие стихи запоминаются.

КОРР.: Согласен. Только и этим авторам, и другим, кто пишет у нас в районе, необходим профессиональный разбор, не общие, а конкретные советы, нужна учеба. У газеты же мало возможностей помочь им.

ПУСТОВИТ: Я как раз и хотел сказать об этом. Очень помогло мне в свое время областное литературное объединение. Его членами были известные сейчас на Камчатке и за ее пределами Георгий Поротов, Евгений Гропинов, Владимир Косыгин, Алексей Власов, Владимир Науменков. Собственно, и публиковаться я стал после прихода в литобъединение, пройдя через его «фильтр». И само по себе общение с литераторами, имеющими свой поэтический голос, всегда влияет положительно. Тем, кто накрепко связал себя с поэзией или прозой, не худо было бы присылать почаще подборки стихов, рассказы в адрес областного литературного объединения, а то и заглядывать самим, будучи в Петропавловске. Понятно, все толки о собственном творчестве не принимает ни один автор, и тем не менее, от них только польза.

КОРР.: А огорчения? Если совершенно откровенно...

ПУСТОВИТ: Не без них. Не так давно обсуждали на литобъединении мой новый стихотворный цикл. Кроме слов, «ласкающих слух», говорили и не очень приятные. И я огорчился. Знаете, отчего? Оттого, что сам вовремя не поправил кое-какие строки, не заменил слова, выражения, хотя интуитивно чувствовал... Дал поблажку себе — и досталось поделом. И Станиславу Пестову, вашему земляку, не миновать бы той же «участи» за стихотворение «Луна», Особенно, по-моему, за концовку. Впрочем, возможно, я ошибаюсь...

КОРР.: На первый мой вопрос вы ответили лишь наполовину. Я, с вашего позволения, удлиню его. Какие стихи считаете лучшими из написанного?

ПУСТОВИТ: Получились, думаю, «Слово отца», «Осенний этюд», «Чинарик», «Памяти друга...», из цикла «История России в диалогах», наверное, «Николай I и Бенкендорф».

КОРР.: Насколько я знаю, у вас нет какой-то излюбленной темы?

ПУСТОВИТ: Я никогда не задавался целью писать «на тему». Писал о том, что волновало, о чем не мог не писать. В противном случае и писать не следует, как мне кажется. Всегда душе огня боялся описательства, декларатив-

ности. О Камчатке, как таковой, долгое время стихов у меня не было, несмотря на то, что живу здесь порядком и считаю ее своей родиной. Но вот недавно стихи «пошли»... Потребовались годы, чтобы прочувствовать эту землю, увидеть что-то такое, что не увидишь сразу.

Поэтому я с большим недоверием отношусь к стихам о Камчатке, которые рождаются из-под пера заезжих литераторов или только что ступивших на камчатскую землю.

КОРР.: Как же быть в таком случае с новизной восприятия?

ПУСТОВИТ: Новый, необычный взгляд — не обязательно первый взгляд. Зачастую наоборот, увидишь в сто раз виденном вдруг новое. Тут, конечно, надо обладать способностью образного видения, не иначе. И оно — не каждый час и день. Оно как вдохновение. Впрочем, пожалуй, это одно и то же. Положа руку на сердце, мне, например, даже и не каждый месяц, и не каждый год удается глянуть так, как никто до меня. В прошлом году в «Аэропорту» («...солнце... лучи, как шасси убирает») по-моему удалось. Был закат, каких на Камчатке видел с детства много, видел, когда уже писал стихи. И неожиданно... И как раз — именно то сравнение, которое всему строю стихотворения подходит.

КОРР.: Я заметил, что некоторые ваши стихи то серьезные очень уж и, вместе с тем, где-то пробивается улыбка, ирония. Порою кажется: автор тебя разыгрывает...

ПУСТОВИТ: Это вы, видимо, о «Зависти». Дело в том, что в жизни нет одного чувства «в чистом виде», так сказать. По преимуществу. Все смешано, все — «полу»... Вы ведь знаете — в несерьезном есть серьезное, а в серьезном доля шутки встречается нередко, да еще и в нераздельности. Пушкин, вспомните, о «низком» писал «высоким штилем» И не чурался этого, не считал зазорным. Нам всем, конечно, до него далеко, но почему бы не поучиться?..

КОРР.: Значит, Пушкин. Помимо него, если не секрет, какие у вас еще литературные привязанности?

ПУСТОВИТ: Достоевский. Проза этого великого писателя, философа, в высшей степени поэтична. Блок. Он обладал даром самое сложное выразить четко и ясно. Это счастливый дар.

КОРР.: Возвратимся, однако, в конце нашей беседы, к нашим поэтам-землякам. Что бы вы пожелали им?

ПУСТОВИТ: Встречного ветра. Как ни странно, именно — встречного. И не забывать, что стихи — дело деликатное, как всякое изящное искусство. Искать слово точное, образ незатертый, держаться классических образцов. А их в нашей литературе предостаточно. И, конечно, не торопиться печататься, пока не уверен сам, что стихи выдержат строгую критику. Подчеркиваю строгую. Не мелочную — вкусовую. То есть, чтобы автору не было стыдно. Читатель сегодня очень требователен. Он, как и во времена Пушкина и Есенина, ждет проникновенного СЛОВА.